

КРЕСТЬЯНСТВО И ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л.И. ЗЕМЦОВ

*Липецкий
государственный
педагогический
университет
e-mail: leozem@rambler.ru*

Рассмотрен вопрос об отношении крестьянства к приходскому духовенству в русской деревне начала XX века. Используются публикации периодической печати и архивные материалы. Показано, что отношение сельского населения к духовенству определялось не только личными качествами священника, влияла система материального обеспечения служителей церкви, вызывавшая протест как священнослужителей, так и прихожан. Главным было то, что в мировоззрении крестьян существовали убеждения о христианской справедливости, опиравшиеся на обычное право.

Ключевые слова: крестьянство, духовенство, крестьянское мировоззрение, обычное право

При современном внимании к вопросам социальной истории представляется необходимым изучение не только состояния тех или иных групп населения России, но и их взаимоотношений. С этой точки зрения исключительный интерес представляет отношение великорусского крестьянства к православному духовенству. Важность взаимопонимания крестьян, составлявших около трех четвертей населения страны (при том, что во многих губерниях Европейской части России крестьян было свыше 90 %) и главной идеологической силой¹ в деревне – православного духовенства, очевидна. Ведь священнослужители своей проповедью христианских ценностей в первую очередь должны были снизить накал противоречий: противостояние помещиков и крестьян, внутри крестьянства. Неоднозначные характеристики религиозного состояния крестьянства в советской и современной российской литературе не позволяют выяснить, почему в условиях краха империи, конфронтации новой власти и церкви значительная часть населения страны осталась вне активного протеста.

В начале XX в. существовала достаточно обширная литература, посвященная одной из серьезных проблем императорской России – приходской, которая своим содержанием имела как раз вопрос о взаимоотношениях местного населения и церкви².

С конца 80-х гг. прошлого века произошло назревшее – отход от «единственно верной концепции», в рамках которой напрочь отсутствовал анализ целостного восприятия действительности, в том числе и конкретно-фактическое изучение взаимоотношений деревенского населения и духовенства³. Продолжилось, после длительного перерыва, научное решение проблем православия и церковной жизни России, в том числе и в рассматриваемый нами период. В современной исторической науке появился ряд работ, которые посвящены наиболее обделенному в исследовательской практике предшествующего времени сословию – духовенству⁴.

¹ На 1.01.1916 г. в России существовало 38976 приходов. См.: Статистический ежегодник России. 1916. Пг., 1918. С.78. «Независимо от приобретенного у прихожан «неформального статуса» – в империи с преобладающим сельским населением именно на деревенского «попа» ложилась основная проповедническо-миссионерская нагрузка». – Леонтьева Т. Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С.34.

² Церковное управление в пределах уезда. СПб., 1890; Болдовский А.Г. Возрождение церковного прихода. СПб., 1903; Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть? Сергиев Посад, 1912; Тихомиров Л. Современное положение приходского вопроса. М., 1907; Щербатов А.Г. Приход и его значение в современном государственном строе. М., 1905; Иванов П.А. Реформа прихода. Томск, 1914.

³ Одни только наименования некоторых работ дают представление об их содержательной стороне: Венедиктов Д.Г. Палачи в рясах. М., 1923; его же. Попы – провокаторы, тюремщики, громщики. М., 1930 и др.

⁴ Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XIX вв. М., 2002; Leont`eva Tat`iana. Сельское духовенство: политика и прихожане // Studia slavica Finlandensia. Т. XVII. Helsinki, 2000; Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания...; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003 и др.

Однако складывается впечатление, что приоритетное изучение деятельности радикальных сил в советской исторической науке, стремительно сменившееся исследованием взглядов и политических действий либеральных и консервативных, все так же не останавливается на рассмотрении взаимодействия неполитических структур низших слоев социума.

Очевидны трудности в изучении взаимоотношений крестьянства и духовенства. Они в значительной степени связаны с необходимостью привлечения нового комплекса источников. В данной работе нами использованы интересные свидетельства об отношениях крестьян и духовенства в последнее десятилетие существования императорской России. Среди них – отчеты благочинных о состоянии церковных округов, одним из которых является отчет за 1907 г. благочинного Моршанского уезда Тамбовской губернии о. Иоанна (Кошеляевского), сохранившийся в архиве⁵. Документ позволяет представить автора как искренне верующего и думающего иерея, озабоченного теми проблемами, которые существовали во взаимоотношениях приходского духовенства и паствы в сложнейшее для страны время – после трагических событий Первой русской революции. Это было время, «когда духовенство испытывало чувство вины из-за того, что не сумело воздействовать на народ и предотвратить кровопролитие, поджоги, погромы в 1905-1907 гг.»⁶, и многие размышляли над глубинными основами событий.

Еще один привлекаемый нами комплекс сведений представляют материалы периодической печати. Издатели и редакторы широко печатали сведения о деревне и сообщения грамотных крестьян – добровольных корреспондентов газет и журналов. Крестьянские отклики на внутрисполитические события находили отражение в таких изданиях, как «Народная газета», «Ежемесячный журнал», «Правда Божия» (редактор-издатель – известный в политической жизни страны начала XX в. священник Г.С. Петров), «Бог-Помочь», «Мужицкая правда», «Жизнь для всех» и др.

Привлечение газетных и журнальных материалов связано с рядом сложностей, которые необходимо иметь в виду при их использовании. Невозможно, например, с точностью установить авторство публикаций. Очевидно, однако, что большинство статей принадлежит крестьянам-земледельцам⁷. После Первой российской революции появилась возможность представления в периодической печати позиций различных социальных слоев, чем воспользовались и крестьяне, и издатели, стремившиеся и к выражению определенной системы взглядов, и к коммерческому успеху. Один из современников заметил: «Деревня все более и более привлекает внимание печати и общества»⁸.

Важны свидетельства тех представителей образованной части населения страны, которые волею судеб вынуждены были оказаться в деревне в связи с событиями Гражданской войны, и сформулировали ретроспективу отношений сельского населения и местного причта⁹.

Рассматриваемый нами период (последние полтора десятилетия существования императорской России) – итоговый для процессов, которые развивались в России начиная с середины XIX в. Пореформенный период, консервативная стабилизация¹⁰, политические перемены начала XX века нашли выражение в том взаимодействии власти, общества и народа, которое сложилось в относительно стабильных условиях 1907-1914 гг. Кровавые события Первой русской революции показали многим, что необходимы существенные усилия для перелома тех настроений, которые втягивали страну в гражданский конфликт.

Трудно переоценить, в связи с этим, значение деятельности Русской православной церкви. Еще в пореформенное время возник вопрос об изменении роли священника в его взаимоотношениях с сельским обществом. «Из пассивного исполнителя треб и проповедника кротости он должен был превратиться в деятельного, но бескорыстного просветите-

⁵ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.181. Оп.1. Д.2065. Л.146-148 об.,198-200.

⁶ Розов А.Н. Указ. соч. С.51.

⁷ См.: Земцов Л.И. Крестьянство в публицистике начала XX века // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX региональной науч.-практ. конф. Т.2. Белгород, 2007.

⁸ Коновалов И. Очерки современной деревни. СПб., 1913. С.238.

⁹ Учительница. Три года в деревне // Крестьянская Россия. Сб.V-VI. Прага, 1923; Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. М., 1998 и др.

¹⁰ Еще в 1895 г. благочинный одного из округов Усманского уезда Тамбовской губернии заметил в отчете, что «религиозное совершенствование народа не может быть достигнуто в ближайшее время» – ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л.30-31.

ля, способного развить умственные и духовные способности прихожан»¹¹, – отмечает современный исследователь. Однако перемены в этом направлении были минимальны; ведь в начале XX в. требовались не только реформа прихода¹², но и существенные изменения в правительственной политике, особенно учет распространенного среди многих церковных служителей представления о необходимости восстановления патриаршества.

Отражением понимания священнослужителями необходимости в ином исполнении пастырских обязанностей, в изменении содержания церковной проповеди являлось появление среди них в годы революции сторонников радикальных перемен. Достаточно назвать священников Г. Гапона, Г. Петрова, А. Пояркова, Колокольникова и др. Яркий показатель наличия таких настроений даже среди черного духовенства – идеи архимандрита Серапиона Машкина, старца Оптиной пустыни, считавшего оправданными любые средства борьбы с монархией и капитализмом¹³.

Эти, как и многие менее известные, деятели церкви в содержании своей проповеди и конкретной деятельности выражали мысль о необходимости контакта с трудящимися массами, с теми, чье внимание они старались привлечь. Отвлечемся от обсуждения политических причин усиления их активности. В качестве основания возьмем идею о том, что два главных мотива двигали деятельностью тех священнослужителей, которые поддержкой чаяний трудящихся масс стремились выполнить главную, по их мнению, функцию духовенства. Это были убеждения о необходимости как усиления роли православной веры и авторитета церкви в ситуации начала XX в., так и об учете представлений в мировоззрении крестьян об истинном, христиански справедливом общественном устройстве.

Взаимоотношения в рамках отдельного прихода, как и сословий в целом, строились на двух уровнях: личном (восприятие крестьянами человеческих качеств пастыря) и мировоззренческом.

Нередки свидетельства о низком уровне религиозной культуры населения деревни в начале XX в. Священник Тихон Скворцов отмечал: «Истины православной веры народ знает смутно, поверхностно, а в глухих деревнях – совсем незначительно. ... С св. книгами нашей спасительной веры народ незнаком. ... Отсюда полная безграмотность в смысле ведения Воли Божией, полное невежество в смысле знания своей религии, условий нашего спасения, отсюда нет горячности веры, нет беззаветной любви и преданности к своей религии ...»¹⁴. Столь резкие («полное невежество», «полная безграмотность») и, на наш взгляд, не совсем точные утверждения Тихона Скворцова связаны с его должностью – Данковского уездного миссионера. С ним невозможно полностью согласиться хотя бы потому, что к середине второго десятилетия XX в. уже значительное количество крестьянского населения прошло через школу, в которой Закон Божий занимал видное место, а в церковно-приходских школах изучался очень внимательно. Понимание ценностей православия в переложении на обыденные жизненные ситуации было достаточно распространено среди крестьян.

Обобщая сведения из разных мест страны, Н.Л. Петерсон обратил внимание на то, что часто повторялось при оценке религиозности крестьянина. Оказывается, «за внешнюю сторону религии он (крестьянин – Л.З.) держится крепко, не допускает от нее отступлений ни для себя, часто в ущерб своим интересам (напр., считая грехом работать в пришедший на страдную пору праздник), ни для других...»¹⁵.

Любопытно, что автор приведенного (заметим, опять-таки – не совсем точного!) наблюдения не допускает даже возможности того, что «интересы» у крестьянина могут быть в сфере духовной, а не только экономической. И тогда причиной празднования может быть не только совершенно естественное желание отдохнуть в тяжелейшую страдную пору, но и «не допустить ущерба» православной вере и с ней связанному душевному состоянию.

Из рассуждений Данковского священника-миссионера становится очевидным только одно: необходимо менять формы работы с населением, идти к прихожанам. Но идти можно

¹¹ Leont`eva Tat`iana. Указ соч. С.256.

¹² Современник описал печальную судьбу проекта закона о реформе прихода, неоднократно внесенного обер-прокурорами Св. Синода в Совет министров. Симптоматично, что это описание приведено в популярном издании – вопрос о приходе был важен для многих. См.: Голос жизни. 1915. № 19.

¹³ Пospelовский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. №1. С.53. Ст.10.

¹⁴ Рязанские епархиальные ведомости. 1915. №10.

¹⁵ Петерсон Н.Л. Просвещение. СПб., 1904. С.10.

только тогда, когда уверен в возможности ответного движения верующих. А этой уверенности у священнослужителей не было. Многое в отношении крестьян к священникам в целом определялось условиями повседневной жизни последних. Сельский священник, Михаил Левитов, считал, что «духовенство не пользуется никаким влиянием, ненавидимо и презираемо народом, служит в глазах его олицетворением жадности, корыстолюбия. Духовенство деморализовалось до потери значительной части не пастырского только, но и человеческого достоинства»¹⁶.

Главную причину такого отношения крестьян к клиру четко обозначил в отчете моршанский священник о. Иоанн. Он писал: «...я узнал, сколько зависти (это главное), недоброжелательства, порою озлобления скопилось в среде простого народа против духовенства. И это явление повсеместное. Причины такого печального явления различны. Главнейшее – это способ содержания духовенства»¹⁷.

Поэтому, предлагал о. Иоанн, требуется немедленное изменение системы материального обеспечения служителей церкви. Необходимость отказа от платы за требы, сборов продуктов в определенные праздничные дни, ликвидации земельного наделения причта, перехода к полному обеспечению со стороны государства и к добровольным приношениям прихожан – все это должно быть в повестке дня церковной политики государства. Такие перемены изменили бы положение представителей духовного сословия и его взаимоотношения с сельским православным населением.

Мысль о необходимости перемен в материальном обеспечении священно- и церковнослужителей была одной из тех, которые обращали на себя самое пристальное внимание не только клира, но и значительного числа мирян, в том числе журналистов и писателей из крестьян. «Чтобы создать для деревни истинного пастыря, способного и достойного насаждать добрые начала, необходимо обеспечить духовенству возможность честного и мирного труда на его служебном поприще, без заботы о насущном хлебе, а для этого следует принять материальное обеспечение его всецело на средства государства, с устранением доходов непосредственно от прихожан», – писал еще до революционных событий исследователь вопроса по материалам Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности¹⁸.

Для иллюстрации крестьянского отношения к отмеченной проблеме приведем приговор крестьянского общества (с. Семеновского, Тверской губернии и уезда). В нем с наибольшей полнотой нашла отражение как раз указанная сторона взаимоотношений крестьян и местного священника: «Мы, нижеподписавшиеся, села Семеновского крестьяне, собравшись на сельский сход для обсуждения вопроса о вымогательстве священством с нас, крестьян, за требы денег, посоветовавшись между собой, единогласно постановили: в Рождество Христово платить 10 к., а сбор льна отменить, в нищенские семьи им не забираться, в Крещение и в первый Спас мы, крестьяне, не находим нужным принимать священников, в Пасху Христову платить 25 коп., в день святого Пророка Илии – 10 коп., в престольный праздник 10 коп., в Вознесение Господне – 10 коп., а что касается совершения треб, как то: крещение, бракосочетание, похороны, исповедь, святое причастие, то вы обязаны знать, что воспрещено законом насильно брать деньги, а должны брать то, что дадут. Сбор яиц в Петров день просим отменить. Следуют подписи»¹⁹.

Накануне мировой войны крестьянин, корреспондент столичного журнала, заметил: «...духовенство в погоне за разными благами: славой, властью, наживой после 1905 г. окончательно утратило свой прежний учительский авторитет перед народными массами»²⁰. Чуть ниже: «Хулиганство в деревне – невелика беда; а вот вместо хлеба подносить голодным камень, вместо христианского жизнепонимания с основной братской любовью друг к другу, с основным понятием Бога любви, действующего через нашу совесть и сердце, поддерживать веру в посты и обряды, в старую сказку «геенны огненной» и заменять этим христианство – это уже другое дело. В этой-то замене и есть основное хулиганство русской жизни и оно-то и питает и поддерживает другие роды хулиганства, делая жизнь низов грубой и бедной, а богатых – развратной и праздною»²¹.

¹⁶ Церковный вестник. 1905. №32.

¹⁷ ГАТО. Ф.181. Оп. 1. Д. 2065. Л.198-198 об.

¹⁸ Петерсон Н.Л. Указ. соч. С.36.

¹⁹ Народная газета. 1906. №14.

²⁰ Кр. Мих. Новиков. Хулиганство в деревне // Ежемесячный журнал. 1914. №4. С.111.

²¹ Там же. С.112. В данной работе мы не останавливаемся на вопросе о распространенности различных форм отправления религиозных обязанностей крестьянством, о роли и значении обрядоведения и отражения в народных душах отмеченной автором приведенной цитаты сути православия.

Позднее тот же автор высказал вообще крайнюю по содержанию мысль: «...знает мужик по опыту, что скорее добиться закономерности от полицейских, нежели от духовных...; бессилье мужика – в его добродушии и неумении доводить дела до конца, в нежелании связываться со всякой дрянью»²².

Если крестьянин Мих. Новиков так зафиксировал свой опыт взаимоотношений с духовенством, то были основания и для иных подходов. Для другого отношения нужно было немного. Один из крестьян обозначил возможные отношения в деревне на основании своих и односельчан представлений: «Как скоро в деревне раскусят, что за фрукт к ним пожаловал из нерабочего царства, и если он не вреден, а истинный благодетель, то, не беспокойтесь, окружают его самой трогательной любовью, на какую культурный человек совершенно неспособен»²³. Это – такое отношение крестьянина к необщиннику, которое в наибольшей степени отражало традиционно упоминаемые добрые качества простого сельского жителя страны, при всей сложности и неоднозначности их совокупности.

Если таковы крестьянские представления, то очевидна трудность положения достаточно большого числа священнослужителей: как и с чем им надо идти к пастве, если евангельские истины народ перелагает на поведение и существование представителей религии? «Приходское кормление» должно было быть необыкновенно тяжело для священника, тем более, что оно ежечасно заставляло его чувствовать зависимость от паствы. Некоторые же миряне, при нелюбви к священнику, всегда могли своей «подневольной милостью» подчеркнуть его унижительное положение²⁴.

Было бы неточным ограничиться набором только негативного материала об отношении прихожан к священно- и церковнослужителям, хотя он и носит преобладающий характер. Встречаются и факты иного толка. Сообщение из Воронежа: в Валуйскую тюрьму был помещен арестованный властями приходской священник. На другой день в Валуйки явилось до двух тысяч прихожан, которые с хоругвями, при пении «Спаси, Господи», освободили своего пастыря; при этом и священник, и крестьяне плакали²⁵.

Помимо указанного материального фактора, оказывавшего серьезное влияние на положение клира в деревне, и основывавшегося на личных взаимоотношениях мирян и клира, значимым было и еще одно обстоятельство. Оно заключалось во вполне определенном мировоззрении русского крестьянина. Остановимся на некоторых сторонах взглядов сельских тружеников.

«Настоящим трудом» сельчанин всегда считал только физический труд, особенно – труд на земле²⁶. Поэтому все другие виды деятельности оценивались с точки зрения того, насколько они содействовали или затрудняли выполнение главного в жизни – последовательного цикла сельскохозяйственных работ. И с этой точки зрения «легкая и прибыльная» (по мнению крестьян) работа священнослужителя не создавала положительного отношения к нему. Припомним хрестоматийную формулировку таких представлений еще временнообязанным крестьянином Лукой из Пустопорожней волости, уезда Терпигорева, Подтянутой губернии и мнение священника по этому поводу, так ярко представленные Н.А. Некрасовым²⁷.

Было и еще одно, скорее всего – главнейшее обстоятельство. Очевидно совпадение христианско-православного и крестьянского народного представления о справедливости: помимо физического труда на земле – равенство везде и во всем, равенство в бедности, но, в первую очередь, равенство в условиях для труда, то есть в земельном обеспечении.

Это равенство в «праве на труд» вовсе не означало жесткого требования имущественного равенства, ибо иные, зависящие не всегда от людей, условия жизни могли существенно отличаться. Например, разным было количество детей в семье и, что особенно сказывалось на благосостоянии крестьянского двора, детей мужского пола, получавших

²² Там же. 1916. №2. Стб.268, 270.

²³ Ежемесячный журнал. 1916. №3. Стб.230.

²⁴ Мстиславский С. Свое и чужое // Заветы. 1912. №3. С.125 (вторая пагинация).

²⁵ Правда Божия. 1906. №11.

²⁶ Позднее, уже в 20-е годы, в письме в газету крестьянин сформулировал это положение следующим образом: «Скажите чем отличается советская воасть от царской власти ... тот кто стоит у власти и работает головой а не руками для прокормления себя как это нужно каждому человеку». – Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С.103.

²⁷ См. гл. 1 «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова. Вряд ли многое и существенно изменилось с тех пор.

земельный надел. Именно поэтому не было определено однозначного отношения крестьян к зажиточным односельчанам.

При прозрачности деревенской жизни совершенно очевидными были для односельчан способы достижения зажиточности. Упорный труд на земле, сноровка в ведении хозяйства и пр. были, с точки зрения соседей, достаточным основанием для уважительного отношения к зажиточности. В связи с общераспространенной чертой крестьянского менталитета, которая считала «настоящим» только физический труд, труд на земле, резко негативным было отношение крестьянина к иным, более легким, по его мнению, способам обогащения соседей. Отрицательное отношение к односельчанам, добывавшим лучшие условия существования иными путями – очевидно в русской деревне. Ростовщики, кулаки, торгаши, маклаки, обычно опутывавшие крестьянина различными формами зависимости, вызывали их стойкую, мягко скажем, нелюбовь, при радостном изумлении их сноровкой, наглостью и хваткой. Совершенно определено и точно М.М. Громько замечает о русских крестьянах: «Большое значение они придавали ... источникам богатства, т.е. тем способам, какими оно было изначально накоплено», и предпочтение отдавалось тому, кто разбогател в результате трудолюбия»²⁸.

Поэтому на первый план в церковной проповеди должны были быть выдвинуты такие черты христианского мировоззрения, которые бы вполне соответствовали крестьянскому представлению о справедливости, в том числе применительно к аграрной сфере. Недаром один из будущих активных участников революционного движения заметил, что поиск им «новой правды» начинался «от тех первых впечатлений о какой-то неведомой, но неизбежной грядущей «правде Христа»²⁹.

Поддержим автора мнения о том, что «возрождение связи крестьянства и духовенства могло произойти на почве крестьянской аграрной программы»³⁰. Крестьянские представления о необходимом решении аграрного вопроса были усвоены многими политическими силами России и использованы ими для привлечения масс к той или иной партии. Это нашло, например, отражение в известном Декрете о земле.

Но в основе убеждений крестьян лежало иное, определяющим было не только решение аграрного вопроса с точки зрения увеличения обеспеченности земель. Дело касалось всего мировоззрения и мироощущения крестьянского населения страны.

На первом плане для крестьян было осуществление в обыденной жизни существовавшего на ментальном уровне представления сельских тружеников о необходимости соблюдения истинной, христианской справедливости. Народное же о ней представление носило ярко выраженный своеобразный характер, и было закреплено в обычном устном народном праве. В основе его лежало и представление о «праве на труд».

В соответствии с этим убеждением любой человек имеет право приложить собственные трудовые усилия для пропитания себя и семьи. Эта правда, с точки зрения крестьянина, была христианской правдой. Такая «настоящая правда» дополнялась убеждением о том, что главный объект приложения трудовых усилий, земля, Божья, ничья. На этом основании и строилась «крестьянская аграрная программа». Священник Ф.В. Тихвинский в выступлении на пленарном заседании Думы обобщил эти представления крестьян следующими словами: «Вот как смотрит крестьянство, вот как смотрит трудовой народ на землю: земля Божья, и трудящийся крестьянин имеет право на нее так же, как каждый из нас имеет право на воду и воздух. Было бы странно, если бы кто стал продавать или покупать, или торговать водою и воздухом, – так же странно звучит для нас, если кто торгует, продает или покупает землю»³¹.

В крестьянских убеждениях отсутствовало понимание права частной собственности отдельного лица на землю, собственности без труда на ней, особенно в то время, когда труженику не предоставлялось возможности для приложения трудовых усилий³². Только такие идеи могли быть основой установления подлинной связи духовенства и крестьянства.

²⁸ Громько М.М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С.87.

²⁹ Шлихтер А. У колыбели молодой гвардии // Прометей. №7. С.321.

³⁰ Leont`eva Tat`iana. Указ. соч. С.266.

³¹Цит. по: Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе // Полн. собр. соч. Т.15. С.157.

³² Качоровский К. Народное право. М., 1906. С.170.

Очевидно, что проповеди таких крестьянских ценностей священнослужителями быть не могло, и это-то и было глубинной основой самостоятельных поисков многими крестьянами «настоящей Евангельской истины» и уклонения в ереси.

Таким образом, определяли отношение крестьянства к приходскому священству два начала. Первое – личное, связанное с типом материальных взаимоотношений крестьян и причта. Действительно, общее отношение крестьян к причту осуществлялось «с обязательным учетом личных, человеческих качеств священника»³³. И здесь, на личном уровне, преобладало, скорее всего, негативное отношение, хотя оно могло быть достаточно легко изменено. Решающее значение имело второе начало – мировоззренческое, представление о том, насколько политика власти и ее проповедь в храме отвечали мироощущению крестьянского населения, его представлениям о справедливости. Именно «дело» и «проповедь», поскольку, по глубокому крестьянскому убеждению, христианские евангельские истины («слово Божие») в полной мере отвечали народному пониманию справедливости. Представление о несоответствии слова проповеди и дела (государственного) народным убеждениям привело к тому, в определенной степени отстраненному, отношению крестьянского населения к крайностям большевистской политики к православной церкви, которые проявились в начале 20-х гг.

Сотни лет тяжелого крестьянского труда, сложившееся на его основе мировоззрение и мировосприятие тружеников, не давали возможности воспринимать отличающиеся условия жизни помещиков, чиновников, священнослужителей и определяли отношение к ним сельских жителей.

При анализе отношения крестьянства к иным сословиям страны, в том числе и духовенству, необходимо принимать во внимание не только объективные, в данный момент существующие условия – политические, культурные, экономические и пр. Надо иметь в виду объективно существовавшие системообразующие культурологические аспекты. Они трудно и долго меняются, в отличие от способов хозяйствования, даже при крутых переменах повседневного быта.

Обычно-правовые убеждения требовали длительного времени для преобразования, складывания и усвоения новой системы ценностей, в которой заняли бы решающее место, например, представления о необходимости частной собственности, писаного права взамен устного, норм закона вместо обычаев, приоритета интересов личности перед мирской правдой, роли, наряду с трудом физическим, умственного. В рассматриваемый период этот процесс был еще в самом начале становления и проявлялся как составляющая кризиса русского национального самосознания³⁴.

Кризис сказался во многих сторонах жизни народа и предопределил поведение крестьянства (и не только его) в бурных коллизиях эпохи, и в сфере аграрной, и в отношении к дворянству и, конечно же, к приходскому духовенству.

PEASANTRY AND VILLAGE CLERGY IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

L.I. ZEMTSOV

Lipetsk State Pedagogical University

e-mail: leozem@rambler.ru

The question on the attitude of peasantry to clergy in Russian villages of the beginning of XX century is considered. Publications of periodicals and archival materials are used. It is shown, that the attitude of agricultural population to clergy was defined not only personal qualities of the priest, it was influenced by system of material maintenance of ministers of the church, caused the protest as ecclesiastics, and church-goers. The main thing was that in outlook of peasants there were beliefs about the Christian validity, basing on a common law.

Key words: peasantry, clergy, outlook of peasants, common law.

³³ Ершов Б.А. Церковь русской провинции в XIX веке (на материалах Воронежской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С.18.

³⁴ Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007. С.383.